

Вернувшись в усадьбу, Ше Цзе первым делом завалился спать. При этом он наотрез отказался тушить свечи — дескать, внезапно испугался спать один в комнате, где благополучно прожил последние пятнадцать лет. Но самым нелепым было другое: сокрушаясь о своем внезапном страхе, он в то же время наотрез запретил служанкам оставаться в покоях на ночь.

Впрочем, домашние давно привыкли к его причудам. Даже Цянь Цзя, молодой ученик лекаря, совсем недавно поступивший на службу к Ше Цзе, не выказал ни малейшего удивления и даже из вежливости не стал ни о чем расспрашивать. Все прекрасно знали: капризы молодого господина непредсказуемы, а ход его мыслей столь причудлив, что пытаться докопаться до истины — лишь зря трепать себе нервы.

В итоге Ше Цзе, заготовивший целый ворох оправданий, лишь раздосадованно надулся. Он почувствовал себя так, словно со всей силы ударил кулаком по перине — ни отдачи, ни ответа, одно разочарование.

Вскоре, однако, Ше Цзе опомнился: так ведь даже лучше! Меньше расспросов — меньше забот. Ему ведь только это и требовалось: сберечь свою тайну.

Какую тайну?

Да ту, что принесенный им из Чаньского монастыря Небесного Спокойствия и Десяти Тысяч Лет Долголетия Небесный камень умеет разговаривать!

Ше Цзе мог поклясться упокоенными душами своего отца, двоюродного брата и дяди по материнской линии: на сей раз ему точно не привиделось. Этот треклятый булыжник действительно умел говорить! И величал себя крайне причудливо — [Руководством по выживанию в Млечном Пути].

Все слова в этом названии Ше Цзе по отдельности отлично знал, но вот вместе они никак не складывались в его голове во что-то вразумительное.

Впрочем, мысли путались, так что стоило разложить все по полочкам и начать с самого начала.

Ше Цзе поспешно покинул Южное озеро сразу после того, как опустил на воду фонарь. И сделал он это вовсе не из страха перед шаоцином Приказа государственной казны. Смешно сказать! Спросите у любого на столичных улицах: разве за все свои годы Ше Цзе хоть кого-то испугался? Его поспешное отступление было сугубо тактическим маневром. А все потому, что Небесный камень, спрятанный у самого сердца, вдруг начал нагреваться. По теплу он напоминал согретую в ладонях яшму, но даже дураку было ясно: чудесные свойства этого булыжника таили в себе куда больше загадок, нежели обычный драгоценный камень.

Обладая неумейной фантазией, Ше Цзе тут же вообразил завязку целой повести о бесах и лисицах-оборотнях. Чего доброго, его собственная жизнь вот-вот превратится в приключенческий роман вроде тех, где «наследный княжич спускается в преисподнюю и поднимается к небесам, чтобы сразиться с полчищами демонов»!

И Небесный камень не обманул его ожиданий. Сначала он просто нагревался, а затем принялся светиться.

К счастью, в повозке Ше Цзе ехал один: собираясь изучить странное тепло, исходившее от камня, он предусмотрительно выставил всех слуг. Поэтому, когда артефакт внезапно залил все вокруг ярким сиянием, свидетелей не оказалось. Ше Цзе тут же крепко сжал находку в ладонях, следя, чтобы ни один лучик не просочился сквозь щели в занавесках.

Вспоминая об этом позже, Ше Цзе и сам не мог понять, к чему была такая таинственность. Должно быть, вмешалось само предопределение.

Ше Цзе долго не мог прийти в себя. Наконец, совладав с волнением, он принялся разглядывать Небесный камень. Его свечение, чистое и мягкое, напоминало лунный свет, в котором клубились и искрились далекие туманности. Плотные серебристые переливы сменялись глубоким, пронзительно-холодным ультрамарином — словно посреди летней ночи над холмами взмыли мириады светлячков, то вспыхивая, то угасая в тишине.

Это сияние!

Он уже видел его давным-давно, еще ребенком!

И пусть матушка уверяла, будто маленькому Ше Цзе все пригрезилось, сам он упрямо стоял на своем. Раз говорит, что видел, значит — видел! И даже если то был сон, то непременно вещий, а не плод праздного воображения. Ведь именно в канун того дня, когда ему досталось чудесное семечко, перед ним в ореоле такого же неземного света предстал странный юноша в сияющих серебром одеждах.

Увы, суровое воспитание матушки принесло свои горькие плоды. Вскоре двоюродный брат забрал Ше Цзе на долгое время в императорский дворец, и в суматохе переезда мальчик позабыл забрать свое сокровище. Так его «отец-семечко» остался в усадьбе.

Когда же Ше Цзе наконец вспомнил о нем, заветного семечка в расщелине искусственной горки уже не оказалось. Эта потеря долго не давала ему покоя — редкий случай, когда он засыпал и просыпался с обидой на душе несколько ночей подряд. И вот теперь, спустя столько лет, судьба наконец явила ему новую ниточку, ведущую к той давней тайне.

Хотя... действительно ли этот камень как-то связан с тем семечком?

По правде говоря, Ше Цзе и сам сомневался. Он вертел в руках булыжник, тщетно пытаясь отыскать хоть какое-то сходство. В конце концов, этот Небесный камень был неказист до безобразия — ладно, скажем мягче, весьма зауряден с виду. А вот «отец-семечко» превосходил красотой любые семена на свете и мог поспорить с чистейшим алым яхонтом. Словом, внешне эти двое решительно не подходили друг другу.

Однако Небесный камень быстро доказал, что рожден вовсе не на земле. Спустя какое-то время, проведенное в сиянии и тепле — должно быть, накопив достаточно сил, — он внезапно заговорил!

Голос прозвучал прямо в голове Ше Цзе, недоступный чужому слуху. Он напоминал скрежет холодного металла и лился совершенно ровно, лишенный каких-либо интонаций.

[Здравствуйте. «Руководство по выживанию в Млечном Пути» искренне радо служить вам.]

Любой другой на его месте со страху лишился бы чувств. Но только не молодой наследник Ше. Он не принадлежал к числу обычных людей — его буйное воображение, тяга к опасным затеям и поистине богатырское спокойствие не знали границ. Подумаешь, говорящий булыжник! Обычная даосская передача мыслей на расстоянии, чего тут бояться?

Благодаря детской привычке вести долгие беседы с пустотой, Ше Цзе мгновенно освоил искусство мысленного диалога и жизнерадостно отозвался:

«Привет! Меня зовут Ше Цзе. А тебя и впрямь зовут "Руководством по выживанию в Млечном Пути"?»

[Имя пользователя «Ше Цзе» внесено в реестр. Желаете подтвердить?]

«Пользователь»? Это что-то вроде хозяина усадьбы или островного владыки? Фантазия Ше Цзе мгновенно заполнила пробелы. И пусть значения многих слов он не понимал, это не мешало ему строить догадки с самым уверенным видом. Выходит, сейчас происходит обряд признания хозяина? Разумеется, он согласен! Чего тут думать? Быстрее, приступай!

«Подтверждаю!»

[Рады новой встрече с вами. Надеемся, вы уже вполне освоились с жизнью в Млечном Пути, Ше Цзе.]

«Млечный Путь»? Этот таинственный голос упомянул загадочные слова уже в третий раз. Взгляд Ше Цзе стал лукавым и живым — лишь в подобные минуты его разум начинал работать со скоростью молнии.

Неужели речь шла о том самом Млечном Пути, что разделил Пастуха Ньюлана и Ткачиху

Чжинью? Но ведь этот путь течет по небосводу! Уж не сглупил ли Небесный камень? Или он держал путь к небожителям, но сбился с дороги и случайно рухнул прямо на голову бедному наследнику княжеского титула? За считанные мгновения Ше Цзе успел сочинить в уме душещипательную драму о затерянном артефакте, который преодолел тысячи ли в поисках хозяина.

Однако побеседовать дольше не удалось — повозка наконец остановилась у ворот княжеской усадьбы Ше.

В ночное время усадьба Ше мало отличалась от дневной: здесь заблаговременно зажгли длинные вереницы расписных фонарей, заливших округу ярким светом. У южных ворот, выходящих в переулок, уже дожидался старый управляющий Цжайлао. Рядом с ним стоял его верный помощник-нэйчжи, державший фонарь. Цжайлао лично выбрал его из числа потомственных слуг за исключительную преданность. Этот мужчина, едва разменявший третий десяток, фактически стал вторым человеком в доме и в будущем должен был заменить старого управляющего, чтобы оберегать молодого господина еще долгие годы.

Едва заведев неспешно приближающуюся повозку, Цжайлао поспешил спуститься по ступеням и засеменял навстречу. Даже его молодой и крепкий помощник с трудом поспевал за его стремительным шагом.

— Как прошел день, молодой господин? — поклонившись, участливо спросил старик. — Как ваше самочувствие? Нет ли слабости в теле?

— Все в полном порядке, нечего зря тревожиться, — отозвался Ше Цзе.

На сей раз, выбираясь из повозки, он не стал упрямиться и требовать, чтобы его отпустили идти пешком. Кротко пересев в паланкин, он бережно прижимал к себе Небесный камень. На душе у него было беспокойно, но внешне он напустил на себя еще более высокомерный и капризный вид. Наследник Ше давно усвоил: когда совершаешь нечто непозволительное, нужно держаться с максимальным апломбом — перед таким напором пасует большинство людей.

Однако старый Цжайлао не входил в это большинство. Сопровождая господина вглубь усадьбы, он то и дело бросал пристальные, пронизательные взгляды на плетущегося позади Цянь Цзя.

Лишь спустя время до Цянь Цзя дошло, чего от него ждет старик: тот безмолвно требовал отчета. Но что юноша мог сказать? Он только-только оказался в одной лодке с молодым наследником.

Носильщики ровным шагом пронесли паланкин через ворота-юаньмэнь. Впереди показалась парадных размеров площадь, украшенная резными камнями-барабанами и тремя высокими наградными колоннами-фаюэ. В знатных семействах эти столбы служили для увековечивания деяний предков. На колоннах рода Ше пока красовались лишь ратные подвиги его матушки да стихотворные труды отца. Сам Ше Цзе никогда не обольщался надеждой, что однажды и его

имя удостоится чести быть высеченным на этих камнях для назидания потомкам.

За колоннами высился главный терем. Парадный зал, приемный покой и садовый павильон тянулись один за другим. Просторные галереи с высокими сводами и изогнутыми, устремленными к небу карнизами крыш поражали взгляд изысканным великолепием.

— Я изрядно утомлен, так что сразу пойду к себе, — непривычно тихо распорядился Ше Цзе. Разумеется, совсем отказываться от ужина он не посмел. — Еду подайте прямо в покои.

— Слушаюсь.

По петляющим, крытым галереям они миновали изящный сад переднего двора и подошли к жилому корпусу Ше Цзе. Главные покои пустовали: по негласным правилам они предназначались для Великой старшей принцессы. И пусть за последние годы матушка крайне редко баловала Цзянцзо своими визитами, Ше Цзе свято чтит этот устав и никогда не посягал на ее владения.

Едва переступив порог своей комнаты, он переоделся, наскоро умылся, выпил целебный отвар и принял лекарство. А затем разыграл ту самую сцену: сославшись на невыносимую усталость и внезапный страх, велел всем слугам удалиться. Чтобы скрыть возможное свечение Небесного камня, он приказал оставить гореть все свечи — при ярком комнатном освещении мерцание артефакта никто бы не заметил.

Оставшись в одном нижнем платье, Ше Цзе залез под одеяло и бережно извлек Небесный камень. Еще в полдень этот булыжник казался ему верхом уродства, по дороге домой он уже нашел его сносным, а теперь, разглядывая вблизи, уловил в нем едва уловимое, загадочное очарование. «Вот уж воистину — встречают по одежке, а провожают по уму!» — мысленно усмехнулся молодой наследник, не упустив возможности посмеяться над собственной переменчивостью.

«Эй, камень, — мысленно позвал Ше Цзе, поддавшись веселому азарту, — отзовешься, если я тебя окликну?»

[Мое обозначение — «Руководство по выживанию в Млечном Пути», а не «камень». Желаете изменить имя?]

Ше Цзе замотал головой из стороны в сторону: менять имя, не ведая всех правил, было чистейшим безумием. Мало ли к чему это приведет!

«Не надо ничего менять! — торопливо мысленно возразил он. — Преподнесенное имя звучит весьма солидно. Но все-таки ответь: что ты за диковина такая?»

Небесный камень ненадолго умолк, после чего ответил бесстрастным механическим голосом:

[У вас наблюдаются признаки амнезии. Пожалуйста, сохраняйте спокойствие...]

«Да я и не боюсь, — подумал Ше Цзе. — Бояться и паниковать, любезный, сейчас нужно тебе, ведь ты, судя по всему, обознался».

[... Подобное состояние естественно после вынужденной посадки на Землю. Вы прошли через полный цикл развития и взросления человеческого организма, что привело к глубокой ассимиляции с углеродной формой жизни. В подобных случаях сбой памяти неизбежны. Я создано именно для того, чтобы оказывать вам всестороннюю поддержку в любых жизненных ситуациях.]

Ше Цзе усердно силился осмыслить услышанное. Отбросив совсем уж непонятные слова и переведя остальное на привычный лад, он пришел к весьма любопытным выводам.

Выходило следующее: истинный хозяин камня некогда рухнул с небес на земли Великой Ци, обратился обычным смертным, заново родился, вырос и начисто позабыл о своем прошлом. Верный же артефакт последовал за ним, дабы разыскать своего господина и служить ему верой и правдой.

Но именно это упоминание о потере памяти не на шутку озадачило Ше Цзе.

«Позвольте... Кто же тогда хозяин? Я сам, забывший прежнюю жизнь и переродившийся в теле наследника Ше? Или тот таинственный юноша, чей образ явился из чудесного семечка?»

Однако, если верна вторая догадка, то загадочное зерно было вовсе не его «родителем», а спящим небожителем!

«Неужели я умудрился вырастить из земли самого настоящего бессмертного?!»

«И где же он теперь обитает?!»

<http://bllate.org/book/19472/1961149>